

Символический фарфор Инны Олевской

В Дизайн-галерее "Санкт-Петербург"

Имя петербургской художницы Инны Олевской известно всем любителям фарфора, ее произведения знакомы многим, кто интересуется декоративным искусством. У одних ее работы вызывают восхищение, у других – недоумение и даже критическое отношение. Но для всех ее творчество остается до конца не разгаданным, окруженным какой-то тайной.

Произведения Олевской редко появляются на выставках, хотя она более тридцати лет работает на Ломоносовском фарфоровом заводе и входит в коллектив его художественной лаборатории. Однако ее работы стоят особняком, они выделяются даже среди эстетически выразительных изделий художников знаменитого ломоносовского фарфора. Поэтому персональную выставку произведений Инны Олевской ждали с особым интересом.

Экспозиция открылась в Дизайн-галерее "Санкт-Петербург" под названием "Символические предметы". Перенесение художественного фарфора из привычной музейной обстановки в дизайн-галерею сразу по-новому высветило творчество художника, поставило его в ряд современных тенденций искусства. Своеобразный мир фарфоровой пластики и живописи Олевской предстал как огромная пространственная инсталляция, погружая зрителя в духовную

атмосферу размышлений, чувств и фантазий автора. Сложные, необычные, подчас причудливые формы фарфоровых предметов и скульптур, насыщенные краски росписей, всплески золота и световые блики на белоснежном фарфоре сливались в хоровод поэтических образов. При многообразии вариантов сюжетов и пластики чувствовались единство стилистической манеры, особенность авторского отношения к форме и материалу.

Никогда еще хрупкий фарфор не испытывал такого напряжения страстей, как в работах Олевской. Взаимосвязь времен и пространственных отношений, эмоциональных образов и интеллектуальных концепций воплощена художницей в сложных, изысканных формах. Стилистика произведений Олевской очень своеобразна: она впитала дух русской классики и модерна, в ней есть отзвуки итальянского Проторенессанса и маньеризма, она овеяна символизмом Серебряного века. Декоративные композиции Инны Олевской многозначны, они напоминают о прошлом и в то же время остро современны.

"Да внемлют же поэтам веки" – этот большой ансамбль фарфоровых изделий можно назвать программным произведением Олевской. Он посвящен поэтам пушкинской эпохи. Это целое образительно-пласти-

ческое повествование, напоминающее миниатюрный Царскосельский парк. Ансамбль образуют фарфоровые колонны и стелы с портретами поэтов в медальонах, фигуры муз на высоких пьедесталах, картуши со стихотворными строками: "Служенье муз не терпит суеты...", "Следы исчезнут поколений, но жив поэт, бессмертен гений". Утонченный пластический и живописный почерк художника, цветочные гирлянды и золотой шрифт, зеленый и холодно-розовый колорит росписей в сочетании с белой фарфора напоминают о русском классицизме, передают атмосферу пушкинского времени – периода расцвета российской духовной и материальной культуры.

Другая большая композиция Олевской – "Причастный бытию блажен" – посвящена поэзии Гёте. Она отражает размышления художника о красоте и гармонии всего сущего. Возвышенные чувства и мысли поэта находят выражение в совершенной художественной форме фарфоровой скульптуры и живописи. Мажорное звучание придает композиции колористическое решение ансамбля: блестящий золотой фон, на котором сияют красные живописные миниатюры и белоснежные изваяния ангелов. В центре – образ Мадонны с младенцем, стилизованный в готическом духе с ниспадающим каскадом складок одежды. Композицию "осы-

пают" золотые плоды – знаки счастливого бытия.

Серьезность авторского замысла и виртуозность исполнения приобщают фарфор Олевской к высоким сферам искусства, к артистическому искусству. Недаром обе названные композиции хранятся в Государственном Русском музее Санкт-Петербурга.

Не менее значительны и оригинальны предметные формы, которые также увлекают Олевскую. Разброс ее стилистических пристрастий необычайно широк: от супрематических опытов К.Малевича с лаконизмом его "первозлементов" до чрезмерности формального декоративизма, характерного для постмодерна. В посудных изделиях Олевской можно видеть самые разнообразные фантазийные огусы. Например, сервиз "Любовный напиток", в котором с трудом узнаются привычные, утилитарные формы. Скорее это пластический этюд, смоделированный из множества деталей: геометрических объемов, рельефов, ажуров. Композиция сосудов очень динамична, подчинена единому диагональному ритму. Черно-золотая роспись подчеркивает мотив движения, порыва. Такое оригинальное решение можно назвать "символическим предметом", в котором зашифровано стремление к романтическому общению.

Несколько неожиданно обращение Олевской к живописному оформлению чайника Малевича, спроектированного им в 20-е годы. Возможно, на этом примере художница исследует закономерности построения предметной формы, характерные для супрематизма. Во всяком случае, ее роспись чайника Малевича в виде геометрических силуэтов развивает замысел автора и удачно выявляет принципы формобразования, исповедуемые художниками авангарда. Однако лаконизм формального решения не свойствен Олевской. Ее стихия – множественность форм, пластическое изобилие, многоречивость, причем каждая деталь тонко проработана, абсолютно точна. Среди таких работ – серия "Тусовка", отражающая впечатление художника от техницизированной, погруженной в виртуальный компьютерный мир реальности. Головы, увенчанные какими-то техническими деталями и датчиками, лица-маски с inferнальным выражением создают несколько странное, метафизическое состояние благодаря острой пластике Олевской.

Тридцатилетняя работа с фарфором, великолепные скульптурно-живописные ансамбли словно готовили творческую энергию художницы к главному созданию ее жизни – монументальной архитектурно-пространственной композиции "Гений и зло-

действо – две вещи несовместные". Сложную философскую тему Олевская воплощает в аллегорических фигурах: поверженный Пушкин и злодейский лик Дантеса над ним, опрокинувшийся Моцарт и злобный Сальери, между ними – распростертая Муза с отрешенным лицом, вокруг поникшие ангелы и оборванные крылья. Всего одиннадцать пластических образов метровой величины, с тончайшим мастерством выполненные из неглазурованной фарфоровой массы. Своеобразная стилизация в изображении персонажей, условность пластики фигур, их холодно-отстраненные лица уводят сцену от событийности в мир мистического символизма. Всем работам Олевской свойственна многозначность смыслов и подтекстов, но такого драматического напряжения и эмоционального накала, как в композиции "Гений и злодейство", ей еще не удавалось достигнуть.

Творчество Инны Олевской – сложное и уникальное явление в сфере отечественного декоративного искусства. Но при всей специфичности ее личного дарования оно выражает современные тенденции и новаторский дух петербургской школы искусств.

Людмила КРАМАРЕНКО
Санкт-Петербург – Москва

К выставке - 1000ч. - 10-16 мая - 210

Olevskaya Anna
26.05.04

10